

В памяти Сун Хайлиня с того момента, как он вышел из рядов пионеров, больше никто не пел гимн на церемонии поднятия флага. Волость Циншуй действительно была удивительным местом — не только осмеливались включать только аккомпанемент через громкоговоритель, но и ученики, один за другим, поддерживали атмосферу, и звучание гимна было поистине величественным.

Толстяк орал во всю глотку, явно пытаясь нарушить порядок.

Гу Янь'эр тоже пела громко, изредка добавляя шипящие звуки, словно сама была довольна своим пением, но на слух других это было не лучше, чем у Толстяка. Это был серьёзный, но всё же беспорядок.

По сравнению с ними голос Су Шэня был довольно тихим.

Но он был очень приятным.

С первого раза, как Сун Хайлинь услышал его голос, он нашёл его красивым — чистым и звонким, даже когда тот пел гимн, в нём был особый шарм.

Су Шэнь заранее рассчитал, что с его силой поднятия флага на каждые пять слов он должен сделать полтора рывка, чтобы к концу гимна флаг оказался на самой вершине.

Как показала практика, его расчёты оказались довольно точными.

Когда музыка остановилась, флаг был почти на самом верху, и Су Шэнь изо всех сил дёрнул, чтобы он достиг вершины.

Это немного разочаровало учеников, наблюдавших за этим.

Сун Хайлинь незаметно показал ему большой палец.

На обратном пути Толстяк тихо спросил:

— А где учительница Цзя?

Действительно, с самого начала и до конца её не было видно.

Вернувшись в класс, все шумели и оживлённо обсуждали происходящее. Сун Хайлинь спросил Су Шэня:

— Как тебе удалось поднять флаг точно к концу гимна?

Су Шэнь, уткнувшись лицом в книгу, зевнул и ответил:

— Удача.

— У тебя такая хорошая удача?

— В этом мире, если ты живёшь, обязательно получишь свой удар, — сказал Су Шэнь, улыбаясь. — Но если ты выживаешь после удара, значит, тебе повезло.

— Звучит логично.

Как только он это произнёс, Толстяк вошёл через заднюю дверь и сказал Су Шэню:

— Старина Ни ждёт тебя снаружи, говорит, что ему нужно с тобой поговорить.

Су Шэнь взглянул на дверь и вышел.

Толстяк подтащил стул из-под мусорного ведра и уселся рядом с Сун Хайлинем, тихо сказав:

— Помнишь, я говорил тебе о новом ученике? Я оказался прав, это девушка.

Лицо Толстяка светилось от радости, словно он нашёл сокровище.

— Учительница Цзя не приходила, потому что встречала её. Я украдкой взглянул, она действительно симпатичная.

Сун Хайлинь подмигнул ему:

— Разве ты не был предан Гао Сяоди?

— Я... — Толстяк украдкой взглянул на Мошку, которая, очевидно, уже погрузилась в гору задач по физике. — Я просто хотел сообщить вам, ребята. Мне эта новая ученица совсем не интересна, я всё это выяснял ради тебя, брат.

— Кто тебе брат? — ответил Сун Хайлинь.

Старина Ни отвёл Су Шэня в сторону в коридоре и передал ему лист бумаги формата А4, сказав:

— Это уведомление о физической олимпиаде этого года.

Су Шэнь бегло просмотрел его.

— Мы опоздали, — проворчал Старина Ни. — Другие уже давно знают, а у нас только неделя осталась, и уезд только что прислал уведомление.

— Ничего страшного, учитель. Всё равно к олимпиаде особо не подготовишься, — сказал Су Шэнь, продолжая читать уведомление.

Старина Ни с одобрением кивнул:

— Результаты этой олимпиады дают дополнительные баллы на гаокао. Честно говоря, условия в нашей школе не такие, как в уезде, всё зависит только от твоих усилий.

— Я знаю, учитель, — кивнул Су Шэнь.

Подняв голову, он как раз увидел, как учительница Цзя ведёт девушку вверх по лестнице, разговаривая с ней.

Старина Ни всё ещё давал ему наставления.

Девушка, увидев Су Шэня, подняла бровь.

Звонок на урок внезапно громко прозвенел. Сун Хайлинь, уже привыкший к этому, быстро закрыл уши, чтобы не оглохнуть от пика звука.

После звонка учительница Цзя вошла в класс с девушкой в длинной шерстяной юбке.

На этот раз в классе раздался небольшой всплеск радости, возглавляемый Толстяком.

Сун Хайлинь вспомнил, как в день его прихода все в классе демонстрировали любовь к книгам. Оказалось, это было лишь поверхностно! Им не были интересны книги, им просто не был интересен он сам.

Теперь, когда появилась девушка, никто не притворялся.

Все вытянули шеи, ожидая, когда она заговорит.

Учительница Цзя сказала:

— Может, представишься?

Девушка на кафедре сжала губы, её уголки рта слегка опустились, создавая впечатление безразличия. Она окинула класс взглядом и произнесла:

— Луань Цзин-нянь.

Затем она поправила ободок на голове и добавила:

— Луань Цзин-нянь, как в строке «Прекрасный день, но небо не радуется, каждая струна напоминает о минувших годах».

Су Шэнь на инвалидном кресле въехал через заднюю дверь.

Сун Хайлинь, подперев подбородок, долго смотрел на Луань Цзин-нянь, затем обменялся взглядом с Су Шэнем.

Эта девушка была той самой, которая в тот день, когда они сбежали с урока, случайно или намеренно спасла их от учительницы Цзя.

Когда он снова посмотрел на кафедру, девушка уже закончила представляться, и учительница Цзя предложила классу поаплодировать. Сун Хайлинь тоже нехотя пару раз хлопнул.

— Садись, где найдёшь свободное место.

Как только учительница Цзя произнесла это, Луань Цзин-нянь направилась к задним партам и положила рюкзак на стол перед Сун Хайлинем.

Сев, она повернулась.

В процессе она мельком взглянула на Су Шэня.

Она постучала по столу Сун Хайлиня, улыбнулась и сказала:

— Сун Хайлинь.

Сун Хайлинь поднял на неё взгляд, но не спросил, откуда она знает его имя.

Честно говоря, улыбка Луань Цзин-нянь выглядела довольно неловко, словно её заставили улыбаться под угрозой. Видимо, она нечасто улыбалась.

Сун Хайлинь опустил голову и быстро написал несколько слов, затем бросил записку Су Шэню.

Су Шэнь открыл её и увидел: [Что будем есть на обед?]

Действительно, вопрос о том, что есть на обед, всегда остаётся вечной дилеммой.

Луань Цзин-нянь, увидев, как Сун Хайлинь бросил записку Су Шэню и теперь ждёт ответа, скривила губы и отвернулась.

— Что ты хочешь? — ответил Су Шэнь.

— Курица с каштанами.

Су Шэнь прочитал и написал: [Я не хочу курицу, хочу рыбу.]

Затем добавил: [Давай сыграем в камень-ножницы-бумагу. Я выберу бумагу.]

Сун Хайлинь, прочитав, засмеялся и ответил: [Тогда я выберу камень.]

В итоге в тот день на обед они всё же ели курицу с каштанами.

Су Шэнь относился к этой физической олимпиаде довольно серьёзно.

Его оценки были хорошими, но не выдающимися. Хотя в Первой средней школе волости Циншуй он казался непобедимым, это было лишь потому, что платформа была ограничена этой школой.

Первая средняя школа волости Циншуй за несколько лет не выпускала ни одного студента, поступившего в престижный вуз, не говоря уже о ведущих университетах.

Оценки Су Шэня в Первой средней школе волости Циншуй были безоговорочно первыми, но в масштабах всего уезда они ещё не были лучшими. По его собственным оценкам, его результаты были на уровне, достаточном для поступления в престижный вуз, но для выбора хорошей специальности нужно было приложить усилия.

На гаокао один балл мог определить разницу в несколько тысяч мест, и только дурак не стал бы ценить возможность получить дополнительные баллы.

На этой неделе Су Шэнь каждый день засиживался до ночи. Сначала он выполнял домашние задания, разбирал различные задачи, затем решал несколько страниц задач по физике, которые Старина Ни с трудом достал в уезде, и, наконец, писал статьи для журналов. Когда он

поднимал голову от стола, уже была полночь.

Когда он ложился в кровать, его кости буквально рассыпались.

Кроме того, его ноги обычно не касались земли, и чтобы поддерживать кровообращение, ему каждый вечер приходилось делать массаж. Когда он, наконец, мог лечь спать, оставалось лишь несколько часов.

Каждый раз, когда он заканчивал все задания, его мозг был настолько уставшим, что он начинал чувствовать себя обиженным.

На самом деле это чувство обиды не было временным — оно всегда скрывалось в глубине его нервов, и когда его самоконтроль ослабевал, эти чудовища, словно электрический ток, распространялись по всему телу. Даже его волосы, казалось, хотели заплакать.

Было так обидно.

Он был уже так устал, но никогда не мог заснуть сразу.

<http://bllate.org/book/15285/1350507>